

- ¹⁸ Есин Б. Демократический журнал «Дело» (1866–1884). М., 2008. С. 79.
- ¹⁹ См.: Б.п. <М. Е. Салтыков-Щедрин>. Засоренные дороги и С квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1865 <1868> г. // Отеч. записки. 1868. № 9. Отд. II. С. 46–52.
- ²⁰ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). 1970. С. 543.
- ²¹ Стасюлевич М. Засоренные дороги и С квартиру на квартиру. Роман и рассказ А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1868. Стр. 383 // Вестн. Европы. 1868. № 6. С. 896–897.
- ²² Коковина Н. Книга А. К. Шеллера-Михайлова в демократической среде 60–70-х годов XIX века // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга – Петрограда – Ленинграда : сб. науч. тр. Л., 1984. С. 22.

УДК 821.161.1.09-22+929 [Андреев+Соколов+Стечкин]

ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

А. С. Сергеев

Саратовский государственный университет
E-mail: lorandesai@yandex.ru

В статье рассмотрены позиции Н. М. Соколова и Н. Я. Стечкина – ведущих литературных критиков «Русского вестника» в 1902–1906-х гг. – на творчество и место в читательском сознании Леонида Андреева, показывается, насколько зависимы были критические оценки от освещаемых в творчестве писателя тем.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, «Русский вестник», литературная критика, Н. М. Соколов, Н. Я. Стечкин, «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех».

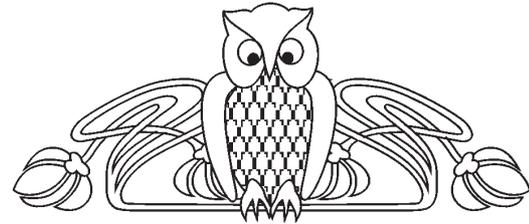
Leonid Andreev's Oeuvre in the Evaluation of *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin)

A. S. Sergeev

The article considers the attitudes of N. M. Sokolov and N. Ya. Stechkin – the leading critics of the journal *Russkiy Vestnik* in 1902–1906 – to the oeuvre of Leonid Andreev and to its place in the readers' minds. The article shows to what extent the critical evaluations depended on the topics unfolded in the author's works.

Key words: L. N. Andreev, *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin), literary criticism, N. V. Sokolov, N. Ya. Stechkin, «Thought», «The Life of Vasilij of Thebes», «Red Laughter».

Рост славы Л. Н. Андреева был стремительным. Достаточно сравнить две дневниковые записи, сделанные А. С. Сувориным 6 февраля 1902 г. и 25 ноября 1903 г. В первой указано: «У Леонида Андреева, беллетриста, был обыск»¹, во второй Суворин цитирует речь В. А. Тихонова, известного под псевдонимом Мордвин: «У меня будут Горький, Андреев и другие известные писатели»². Как можно заметить, за полтора года Андреев успевае пройти путь от просто «беллетриста» до «известного писателя». Однако главный редактор «Нового времени» был не единственным представителем консервативного лагеря, обращавшим внимание на молодого автора. Немало страниц творчеству Леонида Андреева уделили критики «Русского вестника» Н. М. Соколов³ и Н. Я. Стечкин⁴, публиковавшие свои материалы, как правило,

под псевдонимами Н. Скиф и Н. Я. Стародум соответственно.

Впервые читателей «Русского вестника» с Андреевым знакомит Соколов, обозревая в восьмом номере за 1902 г. рассказ «Мысль», которому целиком была посвящена статья «Литературного обозрения». На тот момент Андреев уже успевае прославиться за счет скандальной «Бездны», на примере которой спустя два года Н. Я. Стечкин аттестует писателя как человека «с несомненными признаками дарования, которое он всячески порочит, употребляя его на изображение гнуснейшей порнографии, не вытекающей даже из первоначальной задачи повествования»⁵. Любопытно, что Стечкин не называет произведение, хотя пересказ его содержания не оставляет сомнений, о каком рассказе идет речь.

Однако литературная репутация Андреева к тому моменту, когда выходит статья Н. М. Соколова, еще не сложилась. Вероятно, по этой причине оценки критика в сравнении с теми, которые будет позже давать Н. Я. Стечкин, гораздо более спокойные. Несмотря на то что у Андреева уже вышла скандальная «Бездна», а сам писатель подвергся обыску, можно предположить, что Соколов еще не был хорошо знаком с этими фактами, а потому мог принять писателя если и не за «своего», то, во всяком случае, за человека, который критически воспринимает современную интеллигенцию. Поэтому он пишет, что «ответ на этот вопрос (все ли можно? – А. С.) г. Андреев дает в духе старых добрых традиций русской литературы, т. е. в духе тех самых старых великих мастеров в области русского художественного слова, которые не в скороспелых и недолговечных последних книжках, переведенных «с иностранного», но в своей личной жизни и в своей собственной совести искали решения жгучих и тревожных вопросов современной жизни и действительности»⁶. Именно анализ главного героя – доктора Антона Керженцева – как фигуры, в которой «отразился

век, и современный человек изображен довольно верно», станет ключевой задачей критика в этой публикации, недаром цитата из «Евгения Онегина» приводится еще в самом начале статьи.

Дается вводная характеристика и самому Андрееву: «Он умеет глядеть и своими глазами. Правда, и его нельзя назвать вполне самостоятельным. Как фабула, так и основная мысль его рассказа не в первый раз появляются в русской литературе. Но у него есть кое-что и свое. Важно уже то, что внимание его обращено не на пустяки, а наблюдательность не поглощается внешней оболочкой и мишурой будничной жизни. Уже это ставит его над шумною, но безличною толпою наших “писателей”, скучно и добросовестно пережевывающих старую журнальную жвачку, уже давно утратившую свежесть и питательность. Он серьезно говорит о серьезном деле, что спасает его от жеманной манерности и праздной болтливости наших так называемых “властителей дум”».

По определенности и серьезности основной мысли, по силе и глубине анализа, по точности и простоте слова можно судить, что мы имеем дело с человеком действительно образованным и действительно знающим <...>⁷. Как мы видим, характеристика Андреева исключительно положительная, и единственным минусом можно назвать вторичность постановки проблемы, которая, по мнению критика, была мастерски решена в свое время Ф. М. Достоевским в «Преступлении и наказании». «Это, в сущности, – пишет Соколов, – его⁸ вопрос и даже его решение вопроса, если не по духу, – здесь сходства нет, – то по внешней форме, теперь не новой, теперь даже рутинной. Если бы г. Андреев первый создал эту фабулу и в ее пределах уложил свою мысль, он создал бы литературное произведение, которое дало бы ему право на одно из почетных мест в истории русской литературы»⁹.

Однако Соколов отмечал и другие недостатки, в частности, ему казалось, что Андреев не потрудился отредактировать текст: «Еще бы немного побольше вдумчивости и пытливого сосредоточенности, – замечает критик, – и нужные слова нашлись бы и в ярких очертаниях воплотили бы все нужные оттенки мысли автора. Этого, к сожалению, нет и по местам, хотя и не часто, изложение автора носит следы некоторой небрежности и торопливости»¹⁰. Впрочем, куда страшнее другой недостаток, а именно мотив не притворного, а потенциально реального сумасшествия Керженцева. Соколов посчитал, что эта сторона рассказа лишняя и уводит повествование в сторону, затуманивая основную идею – болезнь духа. По этой причине критик, практически целиком цитируя произведение на страницах «Русского вестника»¹¹, старается опускать моменты сомнений главного героя.

Не меньшим промахом кажется и стремление Керженцева оказаться на каторге. «Это уж слишком по Достоевскому, – ставит вердикт Соколов.

– Правда, у Достоевского это было очень кстати и очень уместно, ибо в “Преступлении и наказании” с начала книги и до конца было отведено много нравственному началу. Там это с необходимостью и вполне последовательно вытекает из личности, мировоззрения и совести несчастного Раскольникова. <...> На что каторга доктору Керженцеву? <...> Ведь Керженцев не смирился, не отказался от себя, от своей злобы и мстительности. <...> Керженцевы не так кончают. Ни мистиком Достоевского, ни “публицистиком” его последователей по каторге – такого субъекта, как Керженцев, не прошибешь: для этого у него больно толста шкура. Для совершенно нового типа, как он, нужен был и совершенно новый конечный эффект в его духе. <...> г. Андреев, как нам кажется, нашел бы этот вывод, если бы поискал его. Но он поленился...»¹²

Однако куда сильнее Соколова волнует вопрос о том, что представляет собой Керженцев, который поначалу может показаться наивному читателю действительно умным человеком. Надо заметить, что фигура доктора берется критиком для обоснования ущербности «интеллигенции», которой публицист посвятил несколько статей на страницах «Русского вестника». По сути, слово «интеллигенция» воспринималось Соколовым практически как ругательное, а потому можно предположить, что выбор в пользу рассмотрения «Мысли» Андреева был сознательно сделан, в первую очередь, чтобы лишний раз напомнить о своем неприятии. Не стесняется в выражениях критик и в этот раз: «Современный “интеллигент”, т. е. человек мало учившийся, утративший способность пользоваться своею головою для своих целей, а потому детски легковерный и на свой лад суеверный, как дикарь, – легко и охотно поверит тому, что доктор Керженцев – умная голова, светило науки и редкий мастер в деле логического мышления»¹³. Порой в своих выпадах критик несколько переступает границы, глумясь над одним из предметов гордости Керженцева – успехами в шахматах: «С этим умом далеко не уедешь в области точной науки, в искусстве, в практической философии и морали. Это находчивость счетчика, раба шахматной доски, многочисленных, но однообразных комбинаций, механических и только схематических построений, убивающих в зародыше *творчество и свободу мышления*»¹⁴.

Так что же не так в Керженцеве? По мнению критика, это книжность героя, псевдоинтеллектуальность и неспособность к самостоятельному мышлению, слепая вера в возможности науки в ущерб нравственному развитию. Для доктора мысль, а не мораль – царь и бог. Оценка Керженцева уничижительная: «Это не мыслитель, а софист к мышлению и истине равнодушный, готовый на все ради победы в споре. Он будет “мыслить и говорить”, но мыслить не честно и говорить не честно, а только для того, чтобы отражать удары противников и защищать свое, хотя бы и заведомо ложное положение. <...> ум не сильный,

не исключительный <...> не самостоятельный, не оригинальный. Ничего своего у него нет. Ума хватает только на понимание чужого. <...> Нет, он умен, умнее многих, – только ум-то у него плохой и макулатурный, т. е. ум для него чужой и самому ему малопонятный»¹⁵. В конце своей статьи Соколов окончательно развенчивает Керженцева, сравнивая его с Терситом – «это грязь, которую прежде находили среди подонков общества, а теперь находят на высотах современной интеллигенции и культуры. <...> Это интеллигентный Смердяков¹⁶ из второго издания Карамазовых. <...> Это то Слоаса Махима, в которую как жидкая и вонючая грязь, сливаются все грехи и преступления нашей интеллигенции и нашей культуры»¹⁷.

Надо отметить, что в своих критических отчетах и, в частности, в оценке Керженцева Соколов был не одинок: схожие характеристики герою давал и Н. Л. Геккер в работе «Леонид Андреев и его произведения», а Е. А. Соловьев под псевдонимом Мирский сравнивал в «Журнале для всех» Керженцева с Раскольниковым и Карамазовыми¹⁸. Сам же Андреев довольно быстро устал от бесчисленных интерпретаций своего героя и признавался в начале августа в письме М. Горькому: «О “Мысли” продолжают чепушить. Обалдели и вместе с героем пресерьезно решают: сумасшедший или нет»¹⁹. Составитель комментариев к переписке В. Н. Чуваков отмечает, что «статьи Измайлова, Скифа и Observer, очевидно, как наиболее примечательные, находятся в альбоме Андреева, составленном из газетных и журнальных отзывов о его произведениях (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 21)»²⁰. Надо заметить, что под «примечательными» Чуваков имеет в виду наиболее показательные материалы с точки зрения рассуждений о психических отклонениях Керженцева, что в случае с Соколовым все-таки не совсем верно, поскольку критик, напротив, считал «психиатрический» пласт рассказа лишним. Бесспорно одно – статья не прошла мимо писателя.

Через какое-то время Соколов оставит место литературного обозревателя, которое в 1903 г. перейдет Н. Я. Стечкину, возможно, самому одиозному и бескомпромиссному сотруднику журнала в 1900-х гг. Центральной фигурой критических нападок журнала станет М. Горький, однако публицист обратит внимание и на его окружение: в первую очередь – на Л. Н. Андреева и А. И. Куприна... На некоторое время Андреев станет в восприятии Стечкина «правой рукой» Горького, а, значит, одним из наиболее вредных для отечественной литературы писателей. Первую серьезную попытку выступить против него критик предпримет в шестом номере за 1904 г., когда в двух материалах под разными именами (sic!) он «обрушится» на ненавистного и уже именитого автора. Так, от своего настоящего имени в заключительной статье цикла о Горьком он мимоходом высмеет попытку Андреева совершить самоубийство: «То же самое совершал

другой “знаменитый” современный писатель, порнограф и психопат Леонид Андреев. То же самое совершали и совершают десятки и сотни недоучек, капризных и нервных себялюбцев, которым жизнь не улыбалась, потому что они в своем тунеядстве и распущенности воли и поступков не сумели овладеть ею»²¹. Гораздо более масштабная атака была предпринята в «Журнальном обозрении», статьи в котором по традиции выходили от имени Н. Я. Стародума. В том материале Стечкин обозревал первую книгу товарищества «Знание» за 1904 г., однако предпочел сосредоточиться на повести «Жизнь Василия Фивейского». Выбор свой публицист объясняет следующим образом: «Рассказ этот заслуживает особого внимания, так как ничего подобного, в смысле всяческого поношения всего, что мы привыкли уважать, кажется, в литературе, даже нашей, горьковской, разнузданной, еще не встречалось. <...> Славу г. Андрееву создал не его талант, не поэтические его страницы, а эта исключительная, доведенная до совершенства способность опоганивать все, к чему он прикасался. <...> Леонид Андреев – литературный Нерончик мелкого калибра»²². Заявление смелое. Столь же смелой была и аннотация произведения: «“Жизнь Василия Фивейского”, – в коротких словах, – это надругательство над священником, над его саном, над его семейной жизнью, над его горем, над его сомнениями, над его горячею верою и над Верою вообще»²³.

Любопытно, что статья это была направлена не только против Андреева, но и против одного из критиков, хваливших повесть. «Хвалитель этот – некий г. Аббадонна в газете “Русь” (№ 149 от 12 мая). Пишущий под именем падшего ангела Аббадонны, очевидно, из учеников недоброй памяти г. Амфитеатрова, потому что нельзя лучше подражать слогу и манере г. Амфитеатрова, как это делает Аббадонна. Привыкший читать сочинения г. Амфитеатрова даже дивится, что не им, а каким-то Аббадонною написана статья»²⁴. Можно предположить, что этот выпад был косвенной формой доноса, ведь за псевдонимом «Аббадонна» действительно скрывался опальный и находившийся в ссылке на тот момент Амфитеатров, вынужденный писать не от своего имени. Учитывая, что Амфитеатров также был не лестного мнения о Стечкине²⁵, а в адрес «Русского вестника» со страниц других изданий иногда звучали обвинения в доносах, эта фраза действительно могла нести потенциальную угрозу Аббадонне. По иронии судьбы, спустя столетие, в 2013-м году, Амфитеатров и Стечкин окажутся изданными в одном сборнике «Упырь на Фурштатской. Забытая вампирская новелла XIX–XX вв.». Правда, это будет не Н. Я. Стечкин, а его младший брат – С. Я. Стечкин, известный под псевдонимом С. Соломин.

Но вернемся непосредственно к рассмотрению произведения публицистом. Несмотря на то что общая негативная оценка повести была

высказана еще в самом начале, это не означает, что критик не мог ее сдержанно похвалить. В частности, он отмечал, что первая глава написана эффектно, впрочем, тут же оговариваясь, что эффектно не значит «художественно»: «<...> несмотря на выдержанный, обработанный слог, на сжатость описания отдельных минут и положений. Искренности в изложении не ощущается, а деланности сколько угодно»²⁶. Особенно в этом плане его раздражали те эпизоды в произведении, когда Андреев намеренно стилизовал тон повествования под библейское описание.

И все же разбор «Жизни Василия Фивейского» строился во многом на полемике с Амфитеатровым, в частности, с его утверждением, что повесть лишена порнографического элемента. «Ну, а эта картина пьяной жены священника, соблазняющей мужа на сожительство, как же должна быть названа, – скромною картиною, что ли?»²⁷, – возмущался критик, рассматривая эпизод, когда жена Фивейского уговаривает мужа на рождение нового ребенка, который для нее может стать заменой утонувшему сыну. «Но г. Андрееву надо было протащить о. Василия через грязь и он это со вкусом и смаком проделал»²⁸, – замечает сотрудник журнала. В другом месте Стецкий говорит, что одна из наиболее понравившихся Амфитеатрову сцен – сцена с цыпленком, когда Василий Фивейский решает, что все посланные Богом испытания он должен пройти – входит в число самых обдуманных в произведении, но также выглядит картонной: «Он, видимо, полагал, что создает антитезу необыкновенной красоты, но вышло все до чрезвычайности картонно, а промелькивающая у о. Василия мысль, что стоит стиснуть и цыпленок издохнет, относится тоже к числу садических»²⁹.

Наибольшее внимание критик уделяет тем местам, где Л. Андреев старается показать главного героя внешне отталкивающим. Н. Я. Стецкий весьма тонко подмечает, что в произведении неоднократно бросаются в глаза очерняющие о. Василия детали: гнилые зубы, корявое лицо, редкая борода. С каждой страницей все чаще употребляется слово «поп» вместо других обращений, что в контексте произведения только помогает принизить образ священника. Описывая желание Андреева во что бы то ни стало унижить о. Василия, Стецкий проводит новую аналогию автора с историческим деятелем – но уже не с Нероном, а маркизом де Садам: «Доселе позорной памяти маркиз де Сад имел монополию соединять чувственные образы половых злоупотреблений с ругательством над тайнствами и с изображением кровавых сцен человекоубийства. Ныне, через века после Сада, его лавры делит г. Андреев»³⁰.

Выводы Н. Я. Стецкого однозначны: «Что это такое? Записки сумасшедшего о сумасшедшем? Насмешка над верой, над чудесами? Или просто безумное декадентское кривляние? Всему описанию придан намеренно бредовый характер,

но мысль и цель ясны. Вера о. Василия описана как один из видов человеческого сумасшествия. <...> С таким пессимизмом жить нельзя и становится даже понятным покушение г. Андреева на самоубийство несколько лет назад, о чем сам г. Андреев хвастливо заявил в печати. <...> выпускать в свет такие гнусности, полные лжи и постыдного кривляния, как “Жизнь Василия Фивейского”, ни один писатель не имеет права. Нужно и о молодых читателях подумать. Нельзя считать душу читателя за яму с нечистотами, куда можно все выкинуть»³¹. Эти слова перекликаются со сказанным ранее: «Если изящная словесность дошла до такой тьмы без просвета, если такие мерзости имеют успех у читателей, то невольно рождается вопрос, не эпидемия ли половой психопатии охватила общество, не влечет ли это общество к себе все то, что направлено к разрушению всего, что когда-то уважаемого и чтимого»³².

Позиции Стецкого нашли соратников: так же, как и он, говорили о неправдоподобности священника и обвиняли Андреева в декадентстве Ф. Н. Белявский в «Церковном вестнике», Д. И. Боголюбов в «Миссионерском обозрении», Н. А. Колосов в «Душевнополезном чтении»³³.

Еще более спорные и строгие оценки вынес критик «Красному смеху», напечатанному все в том же «Знании», но уже в третьей книге, которую он обозревал: «Не только по этой идее, но и по форме, и по подробностям повествования г. Андреева изображает из себя столь нелепое, что мы затруднились бы даже в собственных произведениях автора найти что-либо равное “Красному смеху” по дикости и несообразности со здравым смыслом и здоровыми чувствами»³⁴. В то же время критик не может пройти мимо того момента, что «создалась целая газетная литература вздохов, причитаний, ахов и охов, перемежающихся многоточиями. В общем, хвалебный гимн, за исключением здравого, отрезвляющего слова В. П. Буренина»³⁵³⁶.

Некоторые позиции сотрудника «Русского вестника» в оценке этого произведения кажутся еще более спорными по сравнению с тем, что говорилось о «Жизни Василия Фивейского». Так, Стецкий не сумел оценить оригинальный авторский замысел с построением текста в форме отрывков рукописи, посчитав, что при традиционном подходе «не было бы кривляния, был бы обыкновенный писатель, а не сверх-писатель, не исключительное существо, которое поклонники г. Андреева в нем разумеют.

Из-за того же желания покривляться придумано и само несуразное название “Красный смех”. Это из декадентской области, где звуки имеют цвет»³⁷. Мотив цвета, играющий столь важную роль в произведении, для него выглядел чересчур надуманным и вообще неудачным: «... при выполнении замысла оказалось, что средства г. Андреева весьма однообразны и скудны. Кроме кровавой окраски он не умеет придать никакой

своим картинам, и они выходят похожи на те лубочные изображения, где кровь льется не иначе, как фонтаном в несколько сажень высоты, и где ужас пропадает от карикатурности изображения»³⁸, да и вообще «... это не кровь, а сурик ...»³⁹.

Особенное внимание критик уделяет разговору о том, насколько позволительно говорить о соответствии описываемого в повести реалиям войны. Как известно, Андреев сам не участвовал в русско-японской войне, хотя читал газетные публикации и знакомился с воспоминаниями очевидцев. Однако Стецкий, прекрасно об этом зная, продолжает доказывать, что на войне дела обстоят совершенно иначе, что количество сходящих с ума людей не соответствует тому, что описано в «Красном смехе», что сходят с ума трусы. Вот один из характерных выпадов критика: «Похвальные отзывы о хладнокровии и мужестве наших санитаров доходят к нам с театра военных действий, а г. Андреев хочет изобразить их огульно неврастениками, неспособными нести свои святые обязанности. Едва ли, повторяем, г. Андреев хотел клеветать на молодежь нашу, но по его замыслу надо выбирать только одни прискорбные случаи, сгущая краски»⁴⁰. В этом разговоре о правдивом отображении реалий войны Стецкий даже переходит на личность недавно погибшего В. В. Верещагина, замечая, что только высокое мастерство художника спасает такие картины, как «Апофеоз войны» и «На Шипке все спокойно...» от того, чтобы не признать их «кариатурами на геройские Шипкинские подвиги»⁴¹ из-за тенденциозности.

Почему же Леонид Андреев вообще обратился к этой теме? Стецкий считает, что причины очевидны: «Будучи во всех своих произведениях до мозга костей порнографом, г. Андреев, как это часто бывает с эротоманами, перешел к садизму. <...> О, старый, и по теперешнему времени, наивный маркиз де Сад!»⁴² И снова критик прибегает к аналогии с известным французом, что, учитывая редкость появления имени автора «Жюстины», должно лишний раз подчеркнуть исключительность Андреева.

Не стоит думать, что критик находил у писателя только неудачные задумки. Он сумел оценить сцену возвращения домой безымянного главного героя первой части произведения и встречу его родственниками. Причины одобрения очевидны: эпизод практически лишен экспрессионистического сгущения красок, в гораздо большей степени упирает на психологизм ситуации, описанной в реалистическом ключе. Недаром финальная часть сцены, где возрастает эмоциональное напряжение, показалась Н. Я. Стецкину уже выдуманной.

Впрочем, выдуманным, по его мнению, было практически все произведение: «...повесть не была вдохновлена событиями, а события побудили автора, в погоне за популярностью, взяться за ходовой сюжет, выбросить на книжный рынок ходовой товар»⁴³. Превратно истолковывая при-

чины, побудившие писателя взяться за перо, Н. Я. Стецкий, тем не менее, заявлял об одной важной черте творчества прозаика, отмечавшейся и другими критиками⁴⁴, – погоне за современными, зачастую лишь сиюминутными проблемами.

Самым же страшным для него было то, что «автор “Красного смеха” – один из кумиров молодежи» и «что все эти словечки, покрытые уже рукоплесканиями разных фельетонистов, падут на благодатную почву, послужат к проповедованию и распространению, и вкраплению изменнической идеи о скорейшем заключении мира во что бы то ни стало ...»⁴⁵. Более того, «задачи повести не художественные, а политические»⁴⁶. Если бы было иначе, повесть осталась бы в портфеле автора и не увидела бы свет до конца войны. <...> Если бы г. Андреев вел себя, как серьезный, уважающий себя писатель, как *русский* писатель, он сознал бы несвоевременность своей повести»⁴⁷. Не признавая художественных находок Андреева, Стецкий, тем не менее, ухватил суть повести: «Автор все более хочет утвердить мнение, что война есть безумие, годное лишь на то, чтобы стать эпидемическим»⁴⁸.

«Русский вестник» активно освещал русско-японскую войну, вел отдел «Военное обозрение», а тот же Н. М. Соколов публиковал в журнале стихи в «Военно-политических отголосках»⁴⁹. Логично, что Стецкий не мог не откликнуться на произведение, которое, по его мнению, пыталось внушить вредные идеи о войне. Вполне возможно, что это было главной причиной столь пристального внимания к произведению, даже «Дачникам» Горького – писателя, мимо которого Стецкий не мог пройти, – в том обзоре посвящено меньше полстраницы.

Больше крупных материалов об Андрееве в «Русском вестнике» не будет, хотя писатель не пропадет окончательно с его страниц, например, неожиданно возникнет в статье, посвященной творчеству С. С. Юшкевича, где вместе с Горьким и Куприным будет упомянут как «разрушитель»⁵⁰.

Андреев – одна из ключевых фигур литературно-критических обзоров «Русского вестника» в 1902–1906-х гг. Рассмотрение его произведений сотрудниками консервативного издания не только позволяет по-новому взглянуть на некоторые моменты в творчестве классика, которые совершенно иначе рассматривались критиками других лагерей, но и хорошо иллюстрирует лицо той критики, которая появилась в журнале в 1902 г. с приходом В. В. Комарова и В. Л. Величко. Если до того в течение двух лет суждения о литературе (преимущественно прошлого) на страницах «Русского вестника» велись, в первую очередь, с эстетических позиций, то со сменой состава редакции меняется и направленность в изучении произведений. Приоритетными становятся этический подход, определение социально-политических установок автора, некоторое ослабление внимания к рассмотрению непосредственно художественно-выразительных средств. Леонид Андреев как модный

у молодежи писатель просто не мог не обратить на себя внимание критики «Русского вестника». До тех пор, пока его сотрудничество с Горьким не стало очевидным фактом и по-настоящему резонансные произведения не вышли в свет, в издании к нему относились нейтрально, по достоинству оценивая его творчество (Соколов). Как только Андреев стал действительно известным, а в печати появились «Жизнь Василия Фивейского» и иные произведения, отношение к нему резко поменялось (Стецкий), стало предвзятым. Впрочем, это не отменяет ряда верных суждений, которые появились в период наиболее серьезного расцвета реакционных оценок на страницах журнала.

Примечания

- ¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд., испр. и доп. Л. ; М., 2000. С. 435.
- ² Там же. С. 458.
- ³ О Н. М. Соколове см.: Александров С. Соколов Николай Матвеевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 2007. Т. 5 : П-С. С. 709–711.
- ⁴ О Н. Я. Стечкине см. : Сергеев А. Николай Яковлевич Стеч (ь) кин – литературный критик // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 13. Ч. 1–3. Саратов, 2010. С. 145–150.
- ⁵ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.) // Русский вестн. 1904. № 6. С. 789.
- ⁶ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Литературное обозрение // Русский вестн. 1902. № 8. С. 600.
- ⁷ Там же. С. 599–600.
- ⁸ Здесь и далее курсив авторский.
- ⁹ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 615.
- ¹⁰ Там же. С. 616.
- ¹¹ Дотошное и избыточное цитирование вообще было свойственно как Соколову, так и Стечкину, что порой вызывало иронию у коллег из других изданий.
- ¹² Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 618–619.
- ¹³ Там же. С. 620.
- ¹⁴ Там же. С. 621.
- ¹⁵ Там же. С. 623–626.
- ¹⁶ О схожести Керженцева со Смердяковым писал и А. В. Луначарский: «Разница между Смердяковым и Керженцевым та, что Смердяков убил ради денег, Керженцев только ради чести стать Смердяковым» (Луначарский А. О художнике вообще и о некоторых художниках в частности // Луначарский А. Критические этюды. Л., 1925. С. 48).
- ¹⁷ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 629.
- ¹⁸ Подробнее об отзывах см.: Чуваков В. Мысль // Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 619–623.
- ¹⁹ Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 156.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Стецкий Н. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький : pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910 гг. : антология. СПб., 1997. С. 603. (Сер. «Русский путь»).
- ²² Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.). С. 789–790.
- ²³ Там же. С. 790.
- ²⁴ Там же. С. 790–791.
- ²⁵ См., например, характеристику Стечкину как редактору газеты «Народ»: «При посредстве Витте Шабельская основала в Петербурге газету “Народ”, под редакцией Стечкина, крайнего реакционера, молодца из “Московских ведомостей”. Издание велось неряшливо и бездарно, было лишено всякого политического смысла и литературного интереса, никто его не читал, у публики оно слыло не “Народ”, но “Урод”» (Амфитеатров А. Тяжкая наследственность. URL: http://dugward.ru/library/amfiteatrov/amfiteatrov_tyajkaya.html (дата обращения: 22.12.2014)).
- ²⁶ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.). С. 796.
- ²⁷ Там же. С. 798.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 807–808.
- ³⁰ Там же. С. 803.
- ³¹ Там же. С. 811–812.
- ³² Там же. С. 804.
- ³³ Подробнее об отзывах см.: Чуваков В. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 630–634.
- ³⁴ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья) // Русский вестн. 1905. № 3. С. 250–251.
- ³⁵ Л. А. Иезуитова пишет: «Андрееву даже несколько польстило, что “Красный смех” небезызвестный критик “Нового времени” В. П. Буренин “разнес бешено, назвав «зеленой белибердой»» (Иезуитова Л. Творчество Леонида Андреева (1892–1906). Л., 1976. С. 157.).
- ³⁶ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 249–250.
- ³⁷ Там же. С. 251.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 258.
- ⁴⁰ Там же. С. 256.
- ⁴¹ Там же. С. 259.
- ⁴² Там же. С. 262.
- ⁴³ Там же. С. 272.
- ⁴⁴ Подробно эта проблема освещена в «Критическом очерке» К. И. Чуковского из книги «Леонид Андреев большой и маленький» (См.: Чуковский К. Критический очерк // Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. М., 2002. Т. 6. Литературная критика (1901–1907) : От Чехова до наших дней ; Леонид Андреев большой и маленький ; Несобранные статьи (1901–1907). С. 186–210).
- ⁴⁵ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 267–268.

- ⁴⁶ Л. А. Иезуитова считала, что в тексте содержался неприкрытый политический донос (См.: *Иезуитова Л.* Указ. соч. С. 157).
- ⁴⁷ *Стародум Н.* <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 272.
- ⁴⁸ Там же. С. 255.

- ⁴⁹ О милитаристских взглядах русских консерваторов на рубеже веков подробнее см.: *Репников А.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 223–273.
- ⁵⁰ См.: *Стародум Н.* <Н. Я. Стецкий> Журнальное и литературное обозрение (Еще «великий» писатель – Семен Юшкевич – Рассказы. 2 тома. 1904 и 1905 гг.) // Русский вестн. 1905. № 11. С. 280.

УДК 821.161.1.09-22+655.4/5(470)+929

АЛЬМАНАХ «ШИПОВНИКА»: ИНТЕГРИРУЮЩИЙ КОНТЕКСТ (на материале третьей книги, 1908)

Ю. С. Ромайкина

Саратовский государственный университет
E-mail: orel-55555@yandex.ru

В статье выявляются внешние и внутренние факторы, способствующие формированию интегрирующего контекста третьей книги литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» (1908): рассматриваются оформление книги, композиция сборника, приводится мотивный анализ входящих в состав альманаха произведений.

Ключевые слова: «Шиповник», интегрирующий контекст, Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, А. Серафимович, А. Блок, Г. Чулков, Ф. Сологуб, композиция, мотив, тема.

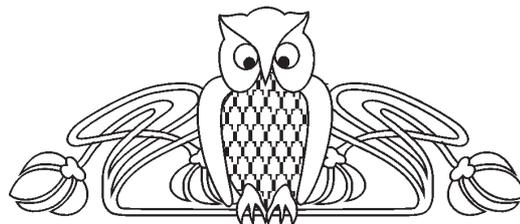
Shipovnik (Rose Tree) Almanac: an Integrating Context (on the Material of the Third Book, 1908)

Yu. S. Romaykina

The article reveals external and internal factors contributing to the formation of an integrating context of the third book of Shipovnik Publishing House Literary-Artistic Almanac (1908): the design of the book and composition are being examined, the motives of the almanac's texts are analyzed.

Key words: Shipovnik (Rose Tree), integrating context, L. Andreev, I. Bunin, B. Zaytsev, A. Kuprin, A. Serafimovich, A. Blok, G. Chulkov, F. Sologub, composition, motive, theme.

Одно из самых известных неперIODических изданий первой трети Серебряного века – литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». С 1907 по 1917 г. было издано 26 книг, лучшие из которых редактировали Б. Зайцев и Л. Андреев. В основе сборников лежал принцип синтетического модернизма¹, т. е. соединения разнородных художественных элементов. В альманахе печатались писатели-реалисты и неореалисты (И. Бунин, Л. Андреев, Б. Зайцев, А. Серафимович, С. Юшкевич, В. Муйжель, А. Толстой, М. Пришвин, А. Чапыгин), а также авторы символистского направления (А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, Г. Чулков, Ф. Сологуб, Н. Минский)². Какие внешние и внутренние факторы способствовали формированию интегрирующего контекста

альманаха? Рассмотрим эту проблему на материале всего лишь одной книги «Шиповника» – третьей, наиболее полно характеризующей литературную политику владельцев и редакторов данного издательского проекта.

Редактором третьей книги альманаха «Шиповника» (1908) был Б. Зайцев, этот выпуск отличался уникальным авторским составом: Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, А. Серафимович рядом с А. Блоком, Г. Чулковым и Ф. Сологубом.

Лицо любого издания – это, конечно, его обложка.

Третий альманах издательства «Шиповник» отличает изящное внешнее оформление работы Л. Бакста: на обложке представлены заросли шиповника, среди которых изображены обнаженные силуэты. Под надписью «Шиповник» – две детские фигуры, склонившиеся над кустом шиповника. Стоит отметить, что только в книгах 1, 3, 10, 15 обложка, иллюстрированная Л. Бакстом, повторялась. В остальных выпусках изображался в различных вариациях цветок шиповника.

В третьем выпуске отмечено, что «титульная страница и надписи исполнены художником В. Чемберсом»³. Оформлением отдельных книжек «Шиповника» занимались представители объединения «Мир искусства». Например, над вторым выпуском работал М. Добужинский, над четвертым и седьмым – Г. Нарбут, над пятым – С. Чехонин, над шестым – Б. Анисфельд и т. д.

Шмуцтителы внутри третьей книги «Шиповника» украшались виньетками. Позже (с пятой книги) шмуцтителы стали содержать иллюстрации, символически обобщавшие содержание литературных произведений.

Единство оформления, повторяющийся образ цветка шиповника, безусловно, выполняли интегративную функцию и способствовали объединению материалов альманаха в восприятии читателя.

Изящность внешнего оформления сборников «Шиповника» заботила одного из совладельцев